

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

6

Ноябрь — Декабрь

1974

БОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ул. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

ГВБ

Р. Я. Рассудова

ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНА *кош* В НЕКОТОРЫХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РАЙОНАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Для Средней Азии зачастую характерна неустоявшаяся терминология для выражения мер и весов. Эти меры могли иметь разное значение в зависимости от времени и особенно от места, где они применялись. Более того, одним и тем же названием выражались совершенно различные понятия.

Указанное обстоятельство иногда вызывает сомнение в правильности употребления этих терминов и в ряде случаев приводит даже к неверному их социальному осмыслению.

На основании имеющихся литературных и полевых материалов мы попытаемся показать конкретные значения широко известного в Средней Азии термина *кош* или, иначе, *джуфти гау* (пара волов).

Первоначально слово кош (в джагатайском — *куш*, в казахском — *кус*, в монгольском *хош*) означало пара¹. Одно из наиболее распространенных производных дополнительных значений этого слова, бытовавших среди населения в XIX в., — «парная упряжка волов запряженных в омач», а также «рабочий с мотыгой», иногда только «упряжка». Кроме того, словом *кош* обозначали определенную площадь земли, которую могла вспахать упряжка волов. В этом случае кош служил мерой измерения земли.

Понятие *кош* в значении меры земли большей частью формулируется следующим образом: «земельный участок, обрабатываемый упряжкой волов за сезон» (малый кош).

При этом имелись в виду в основном поливные земли. Объяснялось это тем, что именно они имели первостепенное значение в хозяйстве и уже издавна служили предметом купли-продажи, что и было зафиксировано в источниках, используемых исследователями.

В литературе встречаются различные значения величины одного коша: два танапа²; 20—24 танапа³; 40—60 танапов⁴. Кош, равный

¹ Л. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 82; В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 2, вып. 8, СПб., 1896, стр. 635—636.

² К. К. Пален, Орошение Туркестана, СПб., 1910, стр. 46. *Танап* — единица измерения земли, площадь которой составляла в Ферганской долине 400 кв. саженей, или $\frac{1}{6}$ га; в Зеравшанской долине — 625 кв. саженей, или $\frac{1}{4}$ га; в низовьях Амударьи — 900 кв. саженей, или $\frac{1}{3}$ га.

³ В. Л. Вяткин, Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215—1217 (1800—1803) гг., «Изв. Азиатского отд. РГО», т. XVIII, Ташкент, 1928, стр. 17—18; «История таджикского народа», кн. 2, М., 1964, стр. 387.

⁴ Л. Н. Соболев, Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе, «Зап. РГО по отд. стат.», т. IV, СПб., 1874, стр. 261—389; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов, М.—Л., 1954, стр. 56—57; М. Хамраев, Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начала XX в., «Труды АН ТаджССР», т. XIV, 1959, стр. 17; А. А. Семенов, Очерки поземельного устройства быв. Бухарского ханства, «Труды Среднеазиатского гос. университета» (далее — «Труды САГУ»), сер. 2, вып. 1, Ташкент, 1929, стр. 53; Е. А. Давидович, Материалы по метрологии средневековой Средней Азии, М., 1970, стр. 122, 123.

двум танапам,— это норма пахоты волов за один день. Среди населения был в ходу также термин *кунлук йер*, т. е. «земля, вспаханная за один день». В некоторых местах существовал равнозначный термин *таб*, который, однако, в ряде районов крестьяне употребляли, обозначая небольшой участок, вспаханный волами до первого отдыха. Таким образом, таб земли не представлял какой-либо определенной величины и уж во всяком случае не превышал одного танапа.

В литературе встречаются еще две величины, составляющие один кош: 40—60 танапов и 20—24 танапа. Независимо от района или от категории земель историки упоминают чаще всего кош в 48—50 танапов. Одним из первых эту меру приводит Л. Н. Соболев, который посетил Зеравшанскую долину вскоре присоединения ее к России и написал о ней очень содержательную работу⁵. О коше он говорит в связи со сбором налога *кафсан*, который шел на содержание местных властей, в особенности аппарата по ирригационному управлению. Из работы Л. Н. Соболева ясно видно, что налог мог взиматься только с посевов. 40—50 танапов — большая земельная площадь и при господствующем характере мелкого землевладения в Зеравшане, конечно, могла принадлежать только целой группе хозяев; у крестьян же повсеместно сохранялись мелкие наделы. Однако такое предположение отвергается Л. Н. Соболевым, который категорически утверждает, что эту площадь могла обработать пара волов. А. А. Семенов также упоминает о зеравшанском коше в связи со сбором налога с постоянной засеянной площади и тоже утверждает, что пара волов обрабатывала за сезон 48—50 танапов. П. П. Иванов, комментируя отрывок из описания жития Ходжа Ахрара и основывая на ряде исследований А. А. Семенова, устанавливает размер коша в 48—50 танапов. В отрывке говорится о совместной обработке под Ташкентом коша земли двумя работниками: молодым, тогда еще бедным Ходжа Ахраром и его компаньоном. Однако экономические исследования, подтверждающие наши этнографические материалы, отвергают возможность обработки столь большой площади силами всего лишь двух человек. Тем более, что П. П. Иванов говорит о коше не только в 48—50, но и в 60 танапов. Однако он не объясняет, какие виды земель измеряются этими единицами. Исчисляя площадь земли крупных землевладений, расположенных отдельными участками в районах с разными природно-хозяйственными условиями, он пользуется одним и тем же кошем⁶.

Другие авторы тоже приравнивают кош к 48—50 танапам или же несколько уменьшают его. М. А. Абдураимов считает, что кош, будучи собственностью одного человека, издавна равнялся 48—50 танапам⁷, О. Д. Чехович, связывая размер этой площади с видами культур, уменьшает кош до 40 танапов, хотя и не указывает, что возделывали на таком участке земли⁸.

При переводе коша в другие местные меры, например в танапы, и наоборот авторы не всегда учитывают величину самого танапа. В результате этого также появляются различные размеры коша.

По П. П. Иванову, кош в 48—50 танапов равняется 8—9 *га*. Таким образом, для определения площади землевладения в Зеравшанской долине он берет Ферганский танап, равный $\frac{1}{6}$ *га*⁹. О. Д. Чехович, уменьшив кош до 40 танапов, при переводе в метрические меры увеличивает

⁵ Л. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 201, 203, 389.

⁶ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 10—12, 52, 56—57.

⁷ М. А. Абдураимов, Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI—первой половине XIX вв., т. 1, Ташкент, 1966, стр. 294.

⁸ О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., Ташкент, 1954, стр. 245, прим. 195.

⁹ П. П. Иванов, Указ. раб., стр. 52, 56. Он использовал неправильные сведения из работы: М. И. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872, стр. 240.

его до 10—12 *га*, так как в своих измерениях правильно исходит из самаркандского танапа, равного $\frac{1}{4}$ *га*. Совершенно неверными являются расчеты ферганского коша, когда для них используют несоответствующее этому району определение зеравшанского коша в танапах, а сам танап исчисляется исходя из каршинских мер¹⁰.

Немало сведений имеется и о коше, равном 20—24 танапам. Их приводят Н. М. Вирский¹¹ и И. В. Чертов¹², исследовавшие в конце 90-х годов XIX в. экономические и бытовые условия населения Зеравшанской долины в районах, где сложилось хозяйство зерно-рисо-хлопкового направления. По их мнению, пара рабочих волов (кош) в условиях этой долины обрабатывали за год не свыше четырех-пяти десятин земли¹³. Подобные сведения о соседней Каршинской долине содержатся в комментариях В. Л. Вяткина, связанных с его трактовкой приказов бухарского эмира Хайдара. Такие же данные зафиксированы в Шахрисябском оазисе, расположенном в верховьях р. Кашкадарьи.

Определение коша, данное этими авторами, аналогично предыдущему: «площадь, которую можно вспахать за сезон на паре волов». Кош в 24 танапа они также связывают со взиманием с этой площади налога или освобождением от него. Однако здесь следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Считая кош мерой земли, указанные авторы кошем в Зеравшанской и Кашкадарьинской долинах называют не землю вообще, а лишь засеянную, налог с которой исчислялся с полученного урожая, а не с пашни.

Таким образом, размер коша по работам различных авторов колеблется от 20 до 60 танапов.

Однако и определение самого понятия *кош*, и его размер не исчерпываются приведенными данными. Известно, что в Средней Азии крестьяне вели свое хозяйство на поливных и неполивных землях. Это обстоятельство весьма существенно обуславливало различия как в направлении земледелия, так и в экономике того или иного района. С точки зрения интересующего нас вопроса различие видов земель, в значительной мере влиявшее на агротехнику сельскохозяйственных культур, требовало в свою очередь различной последовательности работ и продолжительности их выполнения. Из существующего же определения понятия *коша* совершенно невозможно установить ни характера земли, ни сезон, ни время работы волов, затраченное на пахоту определенной площади. В одних районах, например в Ферганской долине и Ташкентской области, время работы рабочих быков определялось одним днем, в других — Зеравшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской долинах — целым сезоном. В соответствии со всей системой земледелия, особенно полеводства, крестьяне пахали землю, а следовательно, и использовали волов в течение девяти месяцев, т. е. всего хозяйственного года, который делился на три сезона. Зимой в хозяйстве волов не использовали; иногда их даже продавали. Весной пахали под посевы яровых, а также масличных, бобовых культур. Летом пахали под пары (черные и особенно белые), распахивали земли под плодовые сады, но не под виноградники. Осенью снова начинали готовить почву под посевы озимых. При этом

¹⁰ А. Л. Троицкая, Заповедник «курук» Кокандского хана Худояра, «Сборник Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, Л., 1953, стр. 128. Отмеченная нами неточность в работах А. Л. Троицкой и П. П. Иванова объясняется их ссылкой на ошибочные данные М. И. Бродовского.

¹¹ Н. М. Вирский, Дюрткульская волость. Опыт исследования экономических и бытовых условий населения Дюрткульской вол. Самаркандской области, «Справочная книжка Самаркандской области» (далее — СКСО), вып. III, Самарканд, 1895, стр. 78.

¹² И. В. Чертов, Дагбитская волость. Данные экономических исследований волости за 1892 и 1893 гг., СКСО, вып. IV, 1896, стр. 28.

¹³ Некоторые авторы считают, что и в XV в. в районах Бухары, в низовьях Зеравшана один кош равнялся примерно 5 *га*, т. е. 20 танапам («Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР»), ч. I, вып. 3, Л., 1932, стр. 10, прим. 5.

время и продолжительность пахоты во все сезоны были различны в зависимости от агротехнических условий, чередования культур, площади земли. Кроме того, использование волов на поливных землях — *оби* или *сувли* — было иным, чем на неполивных — *ляльми* или *кайраки*. На этих землях на одну и ту же площадь высевалось также различное количество семян. Поэтому размер коша не совпадал по всем районам.

Из всех авторов, которые упоминают кош в своих работах, только один А. Д. Гребенкин еще в 1873 г. указывал, что эта мера, равная 48—50 танапам, характерна для неполивных земель Зеравшанской долины. Тем не менее более поздние исследователи не учитывали этого замечания и пользовались кошем, равным 48—50 танапам, для определения размеров поливных земель или же совсем не оговаривали характера земель. А. Д. Гребенкин в своем сообщении о величине коша на неполивных землях не говорит о пахотном сезоне. Несомненно, это объясняется тем, что в этих районах возделывали лишь яровые злаки и пахали только весной. Вспахать же участок неполивной земли в 48—50 танапов за весенний посевной сезон было вполне возможно, так как почвы были рыхлыми и землю перепахивали всего один раз (после посева), да и то не особенно глубоко. В дождливые же годы, когда крестьяне спешили посеять побольше, ее даже не пахали плугом, а лишь взрыхляли тяжелыми ветвями деревьев¹⁴.

Согласно устному сообщению Е. М. Пещеревой, такой примитивный способ пахоты (поверхностное и потому довольно быстрое взрыхление увлажненной мягкой земли) наблюдался еще в 1928 г. в западной части Зеравшанской долины, на территории от Каттакургана до Бухары. Это подтверждается и нашими сведениями, собранными во время поездок по восточной части этой же долины, а также по северной, восточной и южной окраинам долины Ферганы и в Ташкентском оазисе.

Полевые материалы, которые мы собирали в 1957—1966 гг. в Кашкадарьинской долине и в тех же самых местах Зеравшанской долины, где почти сто лет назад побывал Л. Н. Соболев, подтвердили, что кош следует рассматривать как меру именно поливной земли, равную 20—24, а не 40—60 танапам. По сообщениям крестьян, на поливных землях пара волов (кош) могла вспахать за сезон только 20, от силы 24 танапа земли. Желая убедить нас в правильности своего многовекового опыта, крестьяне объясняли, что можно было бы вспахать 50 и даже 100 танапов, но это не обеспечит урожая. «Ваш хирман¹⁵ будет пустым, урожай не получите».

Указанная величина коша определялась агротехническими требованиями для поливных земель. Чтобы взрыхлить и довести до требуемого состояния затвердевшую лесовую почву, ее необходимо было вспахать не менее 5—10 раз¹⁶; при этом пахали попеременно, сначала вдоль, потом поперек. Однако для получения хорошего урожая со всей обработанной площади необходима была не только взрыхленная почва. Большое значение имело также завершение пахоты и посева в определенный срок. При этих условиях один рабочий на паре волов успевал обработать и засеять не более 20—24 танапов.

При определении размера коша учитывался весенний сезон пахоты. Крестьяне считали, что он продолжался 30 дней, а в некоторые годы можно было сеять и все 40 дней. Чтобы успеть с севом, они часто придерживались строгих правил агротехники и ограничивались тремя-четырьмя вспашками вместо шести-семи или десяти; число вспашек по-

¹⁴ А. Д. Гребенкин, Сугуд. «Материалы для статистики Туркестанского края», вып. 1, СПб., 1873.

¹⁵ *Хирман* — ток для молотбы; в Бухарском ханстве на хирмане определялась налоговая часть смолотого зерна, которую и вывозили ханские сборщики.

¹⁶ М. И. Бродовский, Указ. раб.; «Современный кишлак Средней Азии», вып. VI, Ташкент, 1927, стр. 27.

рой ограничивалось и из-за недостатка рабочего скота. При этом подготовленную за день почву обязательно засеивали, а затем бороновали. Так крестьяне поступали в течение всех 30 дней весны.

Как показывают полевые материалы, сезон пахоты и посева, о котором так неопределенно говорится в литературе, определялся в основном яровыми культурами. В условиях Зеравшанской долины это были злаковые (пшеница и ячмень), джугара.

Привлеченные к расчетам таких косвенных данных, как время полива, количество высеваемых семян, доля исчислявшегося налога, число рабочих, производивших очистку ирригационных каналов, подтверждает, что один кош приравнивался в этом районе 20—24 танапам.

Так, например, установлено, что в конце XIX — начале XX века кош посево поливался в течение одних суток, а танап в течение одного часа.

Таким образом, можно констатировать, что в орошаемых районах Зеравшанской и Кашкадарьинской долин кошем как мерой земли следует считать участок, который обрабатывала пара волов за весенний (30-дневный) сезон пахоты. Равнялся он 20—24 танапам (при условии, что один танап достигал 625 кв. саженей, т. е. 5—6 га). По определению крестьян, такой кош назывался малым — *кичик кош*.

Основываясь на сообщениях местного населения, можно отметить, что кошем кроме меры земли в XIX — начале XX в. обозначалось и определенное производственное объединение крестьян. По-видимому, это значение у термина кош появилось не сразу, а постепенно, по мере оседания кочевого населения и освоения им земель. Во всяком случае известно, что этот термин первоначально применялся в значении: «военное общество», «военный лагерь», «воинский отряд», а затем стал означать и небольшое объединение скотоводов, выпасавших совместно свой скот. Наконец, кошем стали называть юрты, расположенные вдали от селения, около пашен, где жили слуги во главе со старшим слугой (кош агасы)¹⁷, а в XIX — начале XX в. кошем стали обозначать земельную меру и объединение крестьян земледельцев (большой кош).

Необходимость того или иного хозяйственного объединения постоянно возникала у крестьян Ферганской и Зеравшанской долин, а также Шахрисябзского оазиса в верховьях Кашкадарьи. Они выступают под разными названиями, и мы не будем здесь касаться их всех. Вопрос этот в литературе освещается весьма односторонне. Так, сообщая о крестьянских объединениях в районах искусственного орошения, исследователи связывали его с водными проблемами или ирригационными работами, касаясь областей, где ощущался недостаток рабочей силы или скота, его рассматривали в связи с организацией совместного труда крестьян или использованием скота. О размерах земельных наделов этих групп сведения приводятся крайне редко. Их приходится выводить на основании косвенных материалов и аналогий. Однако вследствие постоянной изменчивости терминов не всегда удается получить достоверные данные.

Наиболее ранние документальные сведения (начала XVIII в.) о существовании производственных объединений крестьян относятся к Шавдорскому туману¹⁸, расположенному к югу от Самарканда. Из документов, опубликованных О. Д. Чехович, видно, что такие объединения состояли из родственников. Судя по тем группам крестьян, на которые начислялся налог с земли, в такие коллективы входило от 3 до 25 человек¹⁹. Площадь земель, принадлежавших этим группам, нигде не ука-

¹⁷ В. Радлов, Указ. раб., стр. 635—636.

¹⁸ В XIX — начале XX в. на территории бывшего Шавдорского тумана располагались волости Самаркандского уезда: Ходжа-Ахрарская, Ургутская, Янги-казанарькская, Джумабазарская и др.

¹⁹ О. Д. Чехович, Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XVIII вв., Ташкент, 1954, стр. 106, 143, 155, 163.

зывается. Определить ее хотя бы для одного объединения не представляется возможным. Имеющиеся материалы по другим районам долины характеризуют крестьянские объединения более позднего времени — конца XIX — начала XX в. Из них видно, что объединения крестьян для совместной обработки земель были широко распространены в Самаркандской области как в центре, так и на периферии.

По сообщению ирригатора Н. Дингельштедта, пахотные земли во круг большого селения Нураты были разделены на отдельные участки. Они орошались водой одной кyarизной системы. Такую систему создавала, а затем очищала (постоянно) группа из 30 домохозяйств. Большие участки поливали частями, причем интервалы между поливами длились от 6 до 10 дней²⁰. Используя эти данные, можно сделать следующие выводы: во-первых, земля, поливавшаяся из одной кyarизной системы, была разбита на несколько мелких участков; во-вторых, соответственно этому и объединение крестьян из 30 человек также делилось на более мелкие группы; в-третьих, сопоставив число людей в большой группе и интервалы между поливами отдельных участков, удастся рассчитать состав маленьких групп. В них входило четыре-пять человек, следовательно, самих групп было шесть или семь. Таким образом, участком земли, орошавшимся одной кyarизной системой, в Нурате постоянно владел коллектив крестьян, который для возделывания и поливов разделялся на шесть-семь небольших групп из четырех-пяти человек.

Сделанные нами выводы совпадают с утверждением Н. Дингельштедта о том, что земля одной кyarизной системы перераспределялась между 30 хозяевами. Однако автор не сообщает, имел ли каждый крестьянин свой определенный надел или нет; возможно, что члены мелких групп могли трудиться лишь на том участке, который в текущем году получала по жребью его группа.

В Форише, соседнем с Нуратой селении, для обработки земель крестьяне также объединялись в группы. Известно, что в одну группу входило здесь шесть человек и участок поливался около шести часов²¹. Последнее обстоятельство говорит о незначительности земельного участка одного объединения.

В восточной части долины реки Исфани-саю крестьяне делились на 35 групп, в каждую из которых входило 10 человек²². Судя по равному числу людей в группах, последние, несомненно, пользовались участками одинакового размера. Величину их можно установить лишь приблизительно, исходя из данных о средних размерах наделов крестьян в Самаркандской области, или из того, сколько земли может обработать один крестьянин.

По расчетам одного из лучших знатоков края, много лет служившего начальником Ходжентского уезда, Н. С. Лыкошина²³, в Чапкулукской волости более 50% хозяйств для обработки своих полевых земель объединялись в группы. В каждой имелась лишь одна-две пары волов. Отсюда можно примерно установить общую площадь земли и число членов одной группы. Посевной участок одной группы имел, по-видимому, площадь от 24 до 48 танапов, а следовательно, при средней норме надела в хозяйстве шесть-восемь танапов в одну группу входило от четырех до восьми человек. Возможно, что в Чапкулукской волости крестьянские объединения были более многочисленны, ибо, как говорит тот же Н. С. Лыкошин, «для общей обработки земель объединялись здесь

²⁰ Н. Дингельштедт, Опыт изучения ирригации Туркестанского края, т. II, ч. III, СПб., 1895, стр. 281—282.

²¹ «Статистический ежегодник», т. 2, Ташкент, 1924, стр. 15.

²² Б. А. Лыко, Итоги сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов в Самаркандской области, «Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг.», вып. 1, Ташкент, 1924, стр. 21—24.

²³ Н. С. Лыкошин, Чапкулукская волость Ходжентского уезда, СКСО, вып. VIII, 1906, стр. 27.

в основном бедняки, т. е. малоземельные»²⁴. Аналогичное положение отмечается и в Янгикурганской волости Джизакского уезда. Судя по числу рабочего скота, крестьянские объединения в этом районе были весьма значительными. Точно известно, что каждое из них имело 10 кошей, т. е. 10 пар волов²⁵. Следовательно можно предположить, что самая маленькая группа включала 10 человек. Если же учесть, что подобные объединения практиковались здесь обычно в бедняцкой среде, где скота было мало, то число их членов могло и превышать эту цифру. Исходя из количества воловьих упряжек в группе, можно сделать вывод, что общая посевная площадь объединений достигала 240 танапов, или 60 га. Поэтому здесь, как и в районе Нураты, большие группы, видимо, распались на более мелкие, куда входило несколько соседей.

Как отмечают исследователи-экономисты, в конце XIX в. в Мианкале (Зеравшанское междуречье) трудовые объединения крестьян бытовали постоянно. Количество хозяйств, вступавших в эти объединения, например в Дюрткульской волости Самаркандского уезда, колебалось от двух-трех до восьми. Большей частью в них насчитывалось от четырех до шести хозяйств²⁶. О постоянных хозяйственных связях крестьян Дагбитской волости (восточная часть Мианкаля) сообщает В. И. Чертов. Здесь в крестьянские объединения входило также от четырех до шести человек. Причем, как нами выяснено, каждый крестьянин состоял одновременно членом двух групп. Эта особенность объясняется тем, что они имели наделы в двух местах, соответствовавших двум видам угодий, так называемом «мокрым» и «сухим». На «мокрым» участке, где выращивали исключительно рис, крестьянин являлся членом одной группы, на землях же с «сухими» посевами (хлеб, хлопчатник) он работал с другими людьми (земли под паром находились в общем пользовании всего населения).

Наши полевые материалы показывают, что число членов в группах было различно, доходя до 10 человек. Крестьяне отмечали, что наиболее многочисленные группы создавались там, где было много воды, т. е. там, где формировались оросительные системы. По-видимому, это объясняется тем, что здесь складывалось более интенсивное земледелие, а это приводило к большей социальной дифференциации. Размер земли, обрабатывавшейся одной группой, в верховьях каналов колебался, в низовьях же, где крестьянские группы были малочисленны, общая площадь земли везде составляла 10—12 десятин.

В Янгикурганской волости (Самаркандский уезд), где риса из-за недостатка воды засеивали мало, крестьянам не было необходимости состоять членами сразу двух групп. Но здесь, как и в Дагбитской волости, численный состав групп колебался; общая же площадь их земель не превышала 40 танапов, или 10—12 десятин. Особенно стабильным это положение было на западной оконечности Мианкальского междуречья, на правом побережье Акдарьи (Хатырчинское бекство) и далее, в Вабкентском бекстве²⁷.

На левом берегу Зеравшана (Карадарьи), в нижнем бассейне канала Даргома многие виды полевых работ крестьяне выполняли совместно. Для этого составлялись небольшие группы. Здесь, как и в указанных ранее районах, состав группы зависел от земельных наделов ее членов. Но общая площадь их земель была постоянной и равнялась примерно 12 десятинам. Эта величина настолько устоялась (по-видимому, издавна), что служила основанием для определения доли воды, отпу-

²⁴ Н. С. Лыкошин, Указ. раб.

²⁵ Н. М. Вирский, Очерки Янги-Курганской волости Джизакского уезда Самаркандской области, СКСО, вып. X, Самарканд, 1912.

²⁶ Н. М. Вирский, Дюрткульская волость..., вып. III, 1895, стр. 107, 150—188.

²⁷ В. И. Неровецкий, Обзор Янгикурганской волости Самаркандского уезда в экономическом отношении, СКСО, вып. V, 1897, стр. 6.

каемой кишлакам. Такое же положение сложилось и в районе Хатырчи и в бассейне Нарпая.

В Шахрисябзском оазисе, расположенном к югу от Зеравшанской долины, так же как и в упомянутой Дагбитской волости, крестьяне объединялись в производственные группы, причем и здесь они являлись членами одновременно двух групп, образовавшихся отдельно для выращивания риса, и отдельно — для сухих культур. Как отмечает А. Ф. Миддендорф, в конце XIX в. такие производственные объединения были распространены по всей Фергане. Они не исчезли еще и в начале XX в. По сведениям А. И. Шахназарова, в Уч-курганской волости (восточная Фергана) все поливные земли разделялись на столько частей, сколько арыками орошались. По-видимому, все участки были одинакового размера. Это видно из того, что каждый из них обрабатывался одной группой из четырех рабочих²⁸. В Араванской волости (юго-восток Ферганы) крестьяне организовывались в небольшие группы для совместного выполнения ирригационных повинностей. Эти группы в некоторых местах назывались *туп*. Каждый такой *туп* имел право получать всю воду в течение суток; внутри самой группы вода распределялась по взаимному соглашению²⁹. Время полива показывает, что посевы одного *туна* не могли превышать 24 танапов, а общая пашня была еще больше.

Как видно из приведенных материалов, хотя все крестьянские объединения и отличались друг от друга своей численностью, общая площадь их земель почти всюду была одинакова.

Как правило, входившие в объединение крестьяне были, в основном из бедняцких и середняцких слоев. Группы создавались по различным причинам хозяйственного характера. Это — и необходимость коллективных работ на оросительных каналах, и общее распределение воды для орошения посевов, и сложившаяся система полеводства, и недостаток рабочей силы. Не каждый крестьянин был также в состоянии содержать рабочий скот. В первую очередь крестьяне объединялись для совместных ирригационных работ, а также для правильного использования воды. Дело в том, что, владея маленьким участком земли, крестьянин получал на него небольшое количество воды, причем на короткое время. Для нормального использования земли воды могло хватить лишь при условии объединения крестьян в коллективы. Тогда воду, предназначенную отдельным хозяйствам, объединяли и использовали поочередно для полива каждого участка. В дальнейшем эти же обстоятельства заставляли крестьян располагать посевами на своих участках в определенном согласованном с соседями порядке (или совершенно отделять мокрые посевы от сухих), а также соблюдать строгий севооборот и сеять только те культуры, которым хватало приходившейся на их долю воды.

В каждой группе составлялась упряжка из рабочего скота. Крестьяне, не имевшие скота, могли поочередно пользоваться ею и вспахать свои участки. Пользование «кошем» они компенсировали своим трудом в зависимости от размера наделов. Они помогали друг другу в полевых работах (прореживание, окучивание растений, уборка урожая, обмолот и т. д.). Нередко каждая группа имела один общий ток, иногда две группы объединялись для устройства одного тока.

В Зеравшанской и Кашкадарьинской долинах каждая группа крестьян выбирала из своей среды одного человека — руководителя. Обычно он был более зажиточным по сравнению с остальными крестьянами. Нередко встречались и такие, хозяйство которых было невелико. Их выбирали за хорошие организаторские способности, знание земледелия и т. д. Руководители групп организовывали общие работы, были

²⁸ А. И. Шахназаров, Сельское хозяйство в Туркестанском крае, СПб., 1908. стр. 69—70.

²⁹ «Современный кишлак Средней Азии. Араванская волость (Ошский кантон Киргизской АССР)», Ташкент, 1927, стр. 25.

первыми советниками в хозяйственных, а затем и в общественных делах, помогали мирабам (если такие имелись) в распределении воды между крестьянскими наделами, присутствовали на току во время молотбы и при уплате налогов.

Во всей Зеравшанской долине и Шахрисябзском оазисе эти крестьянские коллективы, постоянно возникавшие для взаимной помощи на поливных землях, также носили название кош. Однако, в отличие от малого коша, как меры земли, которую засевали весной с помощью пары волов, а также воды, необходимой для орошения этой земли, объединение крестьян для совместных работ на полях называли большой кош — *катта кош*, а его выбранного руководителя — *кош баши*.

Итак, общий размер земель всех крестьян одной группы доходил здесь до 12 га (а в некоторых местах даже превышал эту обычную цифру), т. е. до 48—50 танапов. Однако по условиям местной агротехники и по ряду экономических причин крестьяне не распахивали и не засеивали всю пашню. Как правило, третью часть, а нередко и половину они оставляли под паром, всюду переходившим наряду со жнивьем в общее пользование общины. Налогов с земель под паром не брали; их высчитывали с урожая. Площадь же засеянной части земель крестьянских групп, а следовательно, и всей общины достигала двух третей и даже половины пашен, т. е. 5—6 десятин, или 20—24 танапов. Иными словами, следует различать малый кош как меру площади посевов и большой кош как объединение крестьян, общий размер пашен которых составляет два малых коша.

Термин *кош* как мера земли, равная 4—5 га, и как объединение определенной группы крестьян, которой принадлежала земля общей площадью в 10 га, был принят среди населения, проживающего в долинах рек Зеравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи и касался только поливных земель. На остальной территории Средней Азии, в частности в Ферганской и Сырдарьинской областях, термин *кош* также был известен, однако здесь он имел другое значение. В этих двух областях кошем называли дневную норму пахоты волов, не превышавшую 2 танапов или $\frac{1}{3}$ га³⁰.

³⁰ В литературе имеется еще одно определение ферганского коша как древней нормы пахоты рабочих волов; она равнялась якобы 12 га (Р. Н. Набиев, Новые документальные материалы к изучению феодального института «суюргал» в Фергане XVI—XVII вв., «Известия АН УзССР», Серия общественных наук, 3, 1959, прим. 27, стр. 48). Подобное утверждение мы считаем недоразумением и поэтому не останавливаемся на нем.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ

**Хрестоматия
по политической антропологии**

Том 2

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ТРАДИЦИОННАЯ ПОТЕСТАРНОСТЬ
В ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ
(На примере Средней Азии)*

Организация власти была и остается весьма важной и сложной проблемой для традиционных обществ Средней Азии. В течение XIX–XX вв. народы этого региона пережили ханское, «военно-народное» и республиканское правления. На суть и характер организации территории, хозяйства, общества и управления ими влияли также политические события, идеологические учения, этносоциальный состав населения. Совокупность данных факторов в их взаимосвязи и взаимозависимости специально не изучалась.

Литературные материалы позволяют осветить в основном государственное управление, этнографические полевые материалы — низовое самоуправление. Полевые сведения собирались автором в 1960–1984 гг. в Зеравшанской и Ферганской долинах и Ташкентском оазисе, т. е. в хлопководческих районах Средней Азии. Они дают возможность оценить историческую значимость различных органов власти и некоторых слоев населения, определить этносоциальное положение представителей потестарного аппарата, их роли в обществе и хозяйстве. Наконец, можно проследить изменение функций государства в организации хозяйства, в том числе в распределении продукции общественного труда, в исторической динамике.

К XIX в. в Средней Азии завершился двухвековой период всеобщих войн кочевников и оседавших скотоводов между собой и их вместе с оседлыми жителями орошаемых земель, окончились крупные передвижения и дробления родоплеменных объединений, определились их места кочевий и расселений. В результате расширились земледельческие ареалы и оросительные системы, увеличилось число новых поселений и «окольцованных» старых, т. е. окруженных поздними кварталами с

* Потестарность. Генезис и эволюция / Под ред. В. А. Попова. СПб.: МАЭ РАН, 1997.

© Р. Я. Рассудова, 2007

оседавшим тюркским населением Подобное наступление кочевников-тюрков приводило к принятию оседлыми земледельцами — сартами, таджиками и другими народами сначала тюркского языка, а затем и общих самоназваний «узбек», «туркмен», «казах», причем независимо от сохранения или потери родоплеменных делений и названий

На начальном этапе освоения территории кочевники соблюдали нормы традиционной социальной организации Племя стремилось поселиться компактно, чтобы сохранить свое единство, а следовательно, боеспособность и самозащиту В соответствии с расселением близких родственных единиц землю, воду (каналы) и места поселения делили в первую очередь на две части, затем по родам и их подразделениям — семейно-родственным группам *уруг*, *карагач*, *топ* и др., и наконец, между большими и малыми семьями Однако компактно поселившиеся кочевники вскоре оказывались разобщенными по административным единицам, издревле создававшимся, исходя из земледельческих условий и организации оросительных систем Подчиняясь этим условиям, поздние пришельцы (тюркские и монгольские кочевники) были вынуждены занимать лишь периферии орошаемых территорий [Бартольд 1965, Гулямов 1957]

Разновременное появление кочевых племен в Средней Азии, несомненное падение племенной организации с издавна сложившейся хозяйственно-территориальной, частые войны — все это обусловило весьма пеструю этническую картину Наиболее многочисленными (в XIX в.) являлись кипчаки, канглы, мангыты, найманы, катаганы, кырки и каракалпаки Крупными массивами они сосредоточивались в нескольких районах, например, каракалпаки — в Приаралье, Зеравшанской и Ферганской долинах, Ташкентском оазисе, кипчаки — в Самаркандском, Ташкентском, Кокандском и Андижанском уездах Мелкие же группы этих племен были разбросаны по всей Средней Азии [Аристов 1896, Бартольд 1971 10–12]

Оседлое население в XIX в. было известно под названиями *сарт* и *таджик* Одновременно среди них выделялись мелкие (как мы считаем, субэтнические) группы — *зодиен*, *исмаили*, *карахан*, *сайд*, *тура*, *ходжа*, или *вахани*, *куляби*, *ягноби* и др Сарты сосредоточивались вдоль р. Сырдарья (Фергана, Ташкент, далее на север через пустыни) и в Хорезмском оазисе

Таджики селились в городах и крупных селениях в долине и предгорьях Зеравшана, в предгорных и горных окружениях Ферганы и Ташкента и всюду — в старых частях «окольцованных» селений Причем у информаторов-таджиков (60–70 лет в 1960–1970 гг.) сохранялось убеждение, что в ханские времена их предки называли себя сартами Юго-восточные горы Средней Азии занимали *вахани*, *каратегин*, *ягноби* и др., объединявшиеся жителями долин термином *галгча*, или

кухи, «горец», а в XX в. — *таджик*. Сарты с конца XIX в. приняли название «узбек». Указанные выше мелкие группы задиён-ходжа расселялись по всей Средней Азии (и даже за ее пределами) среди всех народов, кочевых и оседлых. Они сосредоточивались в крупных древних городах и административных центрах; караханы и тура чаще встречаются в северной половине рассматриваемого региона. Все эти группы также имели общее название *авлад*, или *аулия*, — «святые» [Аристов 1896; Вяткин 1927: 18–23].

Данная этногеография отличается от предыдущих эпох. Но и она показывает, что поздние ареалы расселения «новых» народов и субэтнических групп совпадают с древними областями, в пределах которых возникали самостоятельные, хотя и кратковременные, политические образования. Последние имели своих династийных правителей, службы управления, военные силы, идеологические установки. Но вскоре более сильные превращали их в подчиненные владения (или административные единицы — с XIII в.) централизованных государств (Ахеменидского, Греко-Бактрийского, Кушанского, Эфталитского, Тюркского, Саманидского, Тимуридского и др.). Распад подобных государств обычно сопровождался общей смутой, изменением этнической карты и, главное, — расширением земледельческого хозяйства. Последняя двухвековая смута, завершившаяся к XIX в., привела и к политическим новообразованиям — крупным теократическим ханствам.

В этих однотипных централизованных государствах главенствовали не преемники пророка Мухаммеда, основателя ислама, а отдельные племена со своими лидерами. В Бухарском ханстве около двух веков правили эмиры мангытской династии, в Кокандском и Хивинском — ханы мингской и кунградской династий. Все племена с их эмирами и ханами, а также сарты, таджики, гальча причислялись к категории *кара* («черные»).

Все среднеазиатские общества отвергали обожествление правителей, а сами правители считали божественным и превыше себя мусульманский шариат. И он был основой всякой деятельности: от государственного управления до семейного и хозяйственного, от юридической до просветительской и даже бытовой нормативности. Закон и религия воспринимались как неразрывное целое. Исполнение законов и религиозных обрядов, распространение просвещения являлись обязанностью законоведов, богословов *уламо*, преподавателей высших профессиональных заведений и *мулл*, служителей культа. Особую роль в этом деле играли религиозные общества, охватывавшие все население Средней Азии: *нахибандия*, или *ходжагон*, *кубравия* и др. Членами этих обществ являлась вся категория «черных», в том числе и правители ханств. Они весьма послушно следовали основам ислама, наставлениям своего «учителя», «мастера» (*устод*, *ишан*). Так, бухарский

эмир Шах-Мурад (правил в 1785–1800 гг.), опираясь на «братьев» из накшбандийского общества (членами его являлись жители Ташкента, Зеравшанской и Ферганской долин), сумел приостановить и ликвидировать междоусобицы в своем ханстве, возобновил ирригационное строительство и реорганизовал старые системы орошения, вернул горожан, и земледельцев в свои дома (при этом освободил от налога на 5 лет, что обычно делалось при освоении целины). В итоге он преодолел политический и хозяйственный кризис в Бухаре.

Почти все духовенство, командующие войсками (они же часто и правители) в областях-валайятах, главы религиозных обществ, являвшиеся, как правило, «святыми» (авлад, аулия), причислялись к категории населения *ах* («белые»). Их представители обязательно входили в состав почти всех органов центрального управления.

Управление ханствами осуществлялось несколькими диванами («министерствами») и Высшим советом во главе с эмиром/ханом. Самый важный диван, ведавший всеми административными и хозяйственными делами, возглавлял *ходжа-и-бу-зург*, или *вазир*, *кушбеги* (из «белых»). В Бухаре он одновременно был заместителем эмира, начальником столицы и правителем — *такимом* столичного военно-административного округа (и налоговой единицы) валайята; ему же подчинялись хакимы всех других городов. Диван финансов, или *хараджа*, занимался сбором, учетом и распределением государственных доходов, особенно налогов. Его глава *закатчи-калан*, или *кушбеги-и-па-ян*, замещал вазира, или *ходжа-и-бузурга*; и они вместе вступали в управление при выезде эмира из страны. Дивану *хараджа* подчинялись все валайятные *диван-беги*, состоявшие при правителях-хакимах. Последние же выбирались из вождей племен данного валайята, но обязательно утверждались эмиром. Таким образом, в административно-финансовых вопросах центр в лице эмира и двух важнейших министров прямо контролировал области и племенных вождей. Военное министерство — *диван-и-тарб* — возглавлял начальник столичного гарнизона; ему подчинялись начальники всех воинских частей, как правило, из «черных». Командующего валайятом назначал эмир и обязательно из «белых», *ходжа* (в Бухаре — из джуйбарских), имевшего достоинство *ва'ли*, т. е. «благочестивого».

Воинство в целом составляли различные племена (казахские, каракалпакские, туркменские, узбекские и т. д.). Военачальники же, а также судьи, духовники и казначеи представляли не просто оседлое население, а его коренную часть — *туб-дор*, *задиён*, причислявшуюся, как и *ходжа*, к «святым». Наряду с племенным государственным войском эмиры/ханы, областные хакимы и немало представителей духовенства (особенно главы обществ) содержали специальную охрану — династийную тюркскую гвардию. Она создавалась из сыновей тех же

гвардейцев, весьма сурово обучавшихся военным премудростям. Родословную своей гвардии Бабур, например, возводил к VI в.

Законоведы и ученые-богословы были объединены в диван *казня*, а их материальным достоянием ведал диван *вахмов*. Эти диваны издавна составлялись из духовенства, и все должности, как и в других органах, являлись наследственными. Даже племена вскоре начинали претендовать на «свою» должность в управлении, если ее занимал их представитель.

Государственный Совет, высший орган управления во всех трех ханствах, в начале XIX в. состоял из племенных вождей, глав всех диванов, правителей многих городов и областей, различных «заслуженных и честных» людей, к каковым причислялись в основном представители духовенства и тюркской гвардии. Из них временами создавался диван *мухтасиб* — высший контрольный орган. Он следил за всем: торговлей (ценами, весами, качеством продукции — земледельческой, ремесленной и др.), исполнением религиозных обрядов и нравами. Совет решал самые важные вопросы: строительство каналов, освоение земель, распределение воды в крупных реках и магистральных каналах, судебные (решения о казнях, конфискации имущества высших служащих, должностных назначениях), возведение хана на престол. Со второй половины XIX в. отмечается тенденция сокращения в Государственном Совете племенных вождей и замены их представителями духовенства и вообще оседлого населения (особенно таджиками в Бухаре и сартами в Коканде и Хиве) [Андреев 1972; Вяткин 1927; Кисляков 1962; Положение об управлении... 1888].

Для любой службы в диванах, тем более ответственным чиновником, в первую очередь требовалось наличие обширных знаний, как профессиональных, так и общеобразовательных, владение языками. Особое значение придавалось знанию Корана и законов шариата. Чиновников для управления находили в культурной среде «людей пера», существовавшей в городах, крупных торговых центрах. Одновременно учитывалось и их происхождение, а также социальные и профессиональные связи.

Высшее духовенство и чиновники центрального и областного уровней, включая военных, почти полностью содержались государством, причем весьма оригинальным и рациональным способом: они получали право на часть государственного налога (*харадж, мол, ултон*); размер «содержания, кормления» зависел от чина, должности, генеалогии, уровня знаний. Подоходный налог составлял 1/10, 1/8 и 1/5 часть урожая, а жалуюемую часть налога (или весь налог) определяли площадью земли, занятой данными культурами. Государственные земли *амляк* (а таковыми считались все земли в ханствах) назывались *танхо* (в прошлом — *икта, суюргал* и т. д.), если право сбора налога

давалось светским служителям. Если же оно предоставлялось религиозным учреждениям, а следовательно, духовенству, то такие земли обозначались термином *вахм*. Высшее духовенство нередко превращало вахмы в наследственные *авлоди вахм* и, как правило, полностью освобождалось от налогов. Расходы на государственные дела, например поставку конных воинов при полном снаряжении, разрешалось возмещать налогами целым племенам и народам, почему их район и назывался Черикистан («черик» — воин) [Андреев 1972; Вяткин 1928; История народов... 1947; Кисляков 1962; Рассудова 1990; Фистрат 1933].

Со второй половины XIX в. среднеазиатские общества начали претерпевать кардинальные изменения. Это было связано с завоеванием Средней Азии христианской Россией. Новшества коснулись в первую очередь и в наибольшей степени государственного (и областного) управления. Затем осуществлялись социальные и хозяйственные преобразования, приведшие, наконец, к капиталистической системе. В течение 1865–1875 гг. Россия ликвидировала Кокандское ханство, а Бухарское и Хивинское поставила в вассальную зависимость. На занятой (весьма значительной) территории было создано новое политическое образование — Туркестанское генерал-губернаторство, разделенное на пять областей (а они — на уезды, волости, сельские общества). Права и обязанности туркестанского губернатора определялись царской «Золотой грамотой» (1867 г.), как и Совета, состоявшего из 7–10 человек, в большинстве военных. В областях и уездах управляли также военные губернаторы и начальники со своими чиновниками. Таким образом, управление Туркестаном оказалось в руках пришельцев иного вероисповедания и этнического происхождения, иной культуры.

Новая форма правления получила название «военно-народная». Высшее управление (до уездного) представляли военные; низшее, самоуправление, оставалось прежним. С ликвидацией ханской системы правления военный управленческий аппарат стал как бы наемной силой и единственной на обоих уровнях. Все служащие получали «жалование» (это слово употреблялось и в советское время) из казны, но через финансовый аппарат — «бухгалтерию», а не из крестьянских урожаев. Эти служащие не имели своего хозяйства и не были связаны с местными производителями в отличие от ханских танходаров. Последние были лишены прав на сбор налога в свою пользу и превращены в обычное податное население. Лишь владельцам вахмов, особенно наследственным, т. е. духовным служителям из группы *ходжа*, было сохранено их прежнее положение.

Военное управление, объявив все земли государственными и обложив их единым налогом в пользу казны, одновременно закрепило их за фактическими пользователями, причем в общинно-подворное на-

следственное владение Это положение, однако, не передавало земли в частную собственность Более того, европейцам полностью запрещалась покупка земли у местного населения, как и ее продажа за долги, юридически признано обычное право соседей на землю и дом Эта круговая порука даже была расширена введением поруки при сборе налога, чего не существовало в прошлом [История народов 1947 253–288, Кисляков 1962, Положение об управлении 1888]

К политике общегрестанского масштаба относятся сохранение местного низового самоуправления, налоговые изменения и государственно-частный хлопковый протекционизм

Совокупность последних двух нововведений весьма кардинально изменила социально-экономическую систему местных обществ Повлияло это и на характер самоуправления в низах Военная администрация отвергла систему ханского налогообложения, учитывавшую природно-хозяйственные условия в каждом районе, индивидуальные способности и возможности отдельного главы семьи-хозяйства [Бартольд 1965, Гулямов 1957, Современный кишлак 1924–1925] Она выбрала наименьший налог, 10% от урожая-дохода (десятину *ушр*), и только в денежной форме Это привело к районной дезорганизации хозяйства А новая податная единица — «селение», или «сельское общество», образованная искусственно, расстроила хозяйственные связи между кишлаками, а в них — между семьями-хозяйствами (дворами)

Хлопковый протекционизм, денежные субсидии, выдававшиеся под залог земли и только под посевы хлопчатника, вначале на выгодных условиях, казались весьма своевременными и для уплаты денежного налога Однако расширение посевов одной культуры, а хлопчатника особенно изменило всю систему хозяйствования, в первую очередь организационно-социальный аспект труда, бытовой уклад хлопководов С созданием различных банков, очистительных и маслособойных заводов и других предприятий появились ростовщики (из индийцев, армян, евреев), большое количество посредников скупщики от заводов, раздатчики денег от банков (из местных таджиков, тюрков, бухарских евреев, в основном горожан) В итоге крестьяне всем платили за ссуду большие проценты, теряли (по разным причинам) возможности возврата займов и заложенной земли Одновременно хлопковые районы оказывались в зависимости от привозного хлеба, хлопковых семян, а обеспечение ими вновь требовало денег

Вследствие вывоза хлопка за пределы его производства и даже из страны разрушились трудовые связи с ремесленниками, последние превращались в безработных, а крестьяне — во временно занятых работников Батрачество и поденщина стали основной формой труда на орошаемых землях Прежде здесь обычной была издольщина, причем большей доли ($2/5$ и даже $3/5$ дохода, например, в Андижанском и

Каттакурганском уездах [Материалы Всероссийских . 1924–1925]) А теперь утверждалась меньшая, четвертная, доля В качестве издольщиков трудились бывшие самостоятельные хозяева Образовался новый социальный слой частных собственников, «новые мусульмане» — *баи*. В результате к 1916–1917 гг царское военное управление в достаточной степени разрушило естественную саморегулирующуюся систему хозяйствования Семейно-родственная основа организации труда, как и водная и общинная, в хлопковых районах почти полностью потеряла свое регулирующее значение [Бюджеты 45 хозяйств 1924, Гулишамбаров 1913, Масальский 1913, Миддендорф 1872]

Многоземельные баи (еще в конце XIX в называвшиеся *деджанами* даже в Фергане) обычно имели различный рабочий скот, отсутствовавший у большинства крестьян Поэтому члены общины независимо от социального положения объединялись в различные группы на период определенных работ Группа *альгоу* составлялась лишь на год для пахоты, стороны выставляли пару волов Одновременно эти же крестьяне образовывали более крупные группы — *шерик*, *шерикат* (до 10–12 человек, как правило, родственников), действовавшие постоянно Именно шерикаты стали получателями банковских и других ссуд, оформлявшихся, однако, на одного «крупного землевладельца» — главу шериката Для получения большей ссуды члены шериката свои земли (частично или полностью) записывали («показывали») на главу своего объединения, а при распределении займа учитывали средства, вложенные каждым Главой шериката могли выбрать не только дехканина-бая, но и мало- и даже безземельного члена общины Выборы глав шерикатов, мужских объединений и самой общины устраивали во время празднования Науруза (21–22 марта), у истоков общих оросителей Именно главу общины население (Ферганы) считало первым дехканином, поэтому общине хозяйственные, морально-этические и юридические требования к нему предъявляло особенно строго Во многих районах главами общин, старшими надзирателями вод, соответствовавшими в верхней части водной магистрали главе группы общин *дата*, часто становились представители особой этносоциальной категории населения — «белых» Глава общины, по представлению крестьян, как первый дехканин был «обязан» иметь земли и воды в большем количестве и лучшего качества При отсутствии таковых другие «компенсировали» ему, пока он был главою (предлагали обменяться или хотя бы «считать своей») Он выделялся среди других особым кушаком, лучшим поясным ножом, преподносившимся обществом, наличием при нем «воина»-охранника, а также учителя-покровителя (*мададкор*, *устоза*) Все это якобы придавало ему особую силу в борьбе с врагами, лгунами и злыми духами

Внутренняя жизнь общин регламентировалась деятельностью раз-

личных организационных единиц (родственных, трудовых, территориальных, социальных). Так, семейно-родственные группы занимались организацией и материальным обеспечением свадебных церемоний. Численность такой родственной группы гарантировала своему кандидату победу на выборах судей. Выборные главы водоземельных групп со временем оставались несменяемыми и превращались в наследственными. Так было и в ферганских *дошказанах* и их шерикатах, и в заравшанских и ташкентских *караказанах* и *кошах*, и в кашка- и сурхандарьинских *казаншериках* и *пайкалах*.

Трудовая плата низовому аппарату управления довольно четко выражалась при «поднятии урожая, на току», т.е. при распределении урожая-дохода. Последний разделялся на божью (*худохак*) и мирскую (*аминона*) части. Худохак предназначалась бедным и центральному управлению. Как бедные, так и глава государства и само понятие «управление», считались божьим предопределением. Доля государства, под названиями *ха-радж*, *мол*, *ултон*, — это налог, причем подоходный — 8, 10, 20% (а не поземельный). Аминона раздавалась общинным служащим; затем остальное разделялось на три доли: за землю, скот (рабочий) и за труд издольщика. Таким образом, земледельцы и ремесленники, а также скотоводы, платившие *зяхат* (40-ю часть со ста голов скота), содержали управление всех уровней. Низовые власти получали свои доли непосредственно от самого крестьянина на его току, как и *амин*, глава 10–15 общин.

Развитие хлопководства разрушило не только систему хозяйствования, но и социальное равенство и стабильность в общинах, а также низовое управление. Главы (дехкане и амины) стали выбираться из чужих — баев, купивших земли на их территории. Практически эти должности становились продажными. Подобные «народные избранники» уже «законно» способствовали лишению крестьян земли, скупке ее другими. В 1900–1916 гг. местные нормы, органы управления, социальные связи настолько игнорировались, что продавались иногда и вахмы и даже неполивные земли, использовавшиеся всеми.

В целом хозяйственные изменения сопровождались расстройством коллективистских организаций, нравственно-этических устоев населения. Военно-народное управление, чуждое местному, исторически высокоорганизованному обществу, неоднократно вызывало протест крестьян, объявлявших даже *газават* — «священную войну» против «новых порядков» [Федоров 1925].

После почти полувековой борьбы местное население с помощью других народов (бывших поселенцев или сосланных сюда революционеров) поэтапно стало возрождать старые порядки. На первом этапе (1917–1920 гг.) городские частные и акционерные предприятия (ростовщиков, посредников и скупщиков сырья и земли) Советы объ-

явили государственными. Часть их доходов направляли крестьянским объединениям — шерикатам. Госсуды получала община как отдельная единица; крестьяне за ссуду расплачивались сами, не теряя своих земель. Более того, безземельные издольщики-чайрикеры вновь стали самостоятельными хозяевами своих участков. На следующих этапах новая власть перераспределяла земли (земельно-водная реформа 1924–1926 гг.), внедряла и распространяла новые формы организации труда, особенно начиная с 1929–1934 гг. «коллективизацию хозяйств и труда». Пересмотр земельных ресурсов заключался в изъятии излишков земли и передаче их мало- и безземельным, в освоении («поднятии») залежей, улучшении их качества и повышении *урожайности* культур, в создании крупных коллективных хозяйств. Вначале колхозы соответствовали отдельным старым общинам. Затем в один колхоз включалось по 10–20 общин. Замена рабочего скота машинами требовала новых укрупнений и перепланировки всех обрабатываемых земель (для составления почвенных массивов, требующих определенных способов машинной обработки и орошения). В результате крестьянские земли, недавно разделенные межами, при общем пользовании стали единым естественным условием труда с различными агротехническими качествами; в колхозах возникла необходимость в новых формах организации труда, в том числе и управленческого; сложилась новая производственно-социальная стратификация («иерархия»); сформировались и новые основы взаимосвязей внутри колхозов и между ними, а также между колхозами и государством.

В коллективных хозяйствах, получивших государственные земли в бессрочное и безвозмездное пользование, члены их разделились на *колхозчи*, трудящихся непосредственно на производстве (садово-полевом и др., вручную и с помощью техники), *мутохассислар* («специалистов» — руководителей отраслей, финансовых работников) и на управленцев (глав трудовых единиц, территориальных отделений) и выборное правление во главе с председателем колхоза — *рашбарлар*, они же *дежканлар* (в Кашкадарье, Ташкенте). По мере укрупнения колхозов разрастались и трудовые единицы — бригады (звенья) — от 10–20 до 80–100 хозяйств-семей. Распределение работ по участкам часто совпадало с выполнением заданий на бывших «своих» наделах (хотя межей уже не было). Группы из 10–12 человек, работавших на определенном массиве «своих» наделов, как правило, одинакового агротехнического качества, в разное время и разных местах назывались *кош*, *обтур*, *чат*, *звина* (звено). Примерно с 50-х гг. почти всюду установилась до-reволюционная *пайкальная* организация крестьянского труда.

Таким образом, при создании новых, крупных хозяйств прослеживаются два важных момента: сохранение общины как хозяйственно-организационной единицы; расширение производственных функций от-

дельного человека в коллективном хозяйстве Другими словами, в советских колхозных условиях сохранялись земельные и крестьянские организации, известные издавна и основанные на древнейших естественных связях — природно-хозяйственных и семейно-родственных

Оплата труда в колхозах производилась в соответствии с социальной стратификацией и при всех обстоятельствах была регламентированной и фиксированной Распределение доходов в них в принципе соответствовало распределению урожая крестьянского хозяйства в прошлом Доля средств на оплату труда в 30 60-х гг., согласно уставу и практике, равнялась 33%, позднее она повышается до 50% (те соответствовала издольным) Весьма важно отметить, что соотношение различных категорий членов колхозов, экономическое обоснованное учеными, особенно численность управленцев (*рахбар-деджанов*), повторяет положение, существовавшее в доколхозных крестьянских объединениях (общинах, пайкалах, кошах, шерикатах и др.), тем число управляющих составляло примерно 1,5% от трудовых ресурсов

Среднеазиатские общества, как хозяйственные и организационные единицы различных уровней, до XX в. оставались традиционными и рационалистичными В прошедшие тысячелетия деятельность этих обществ основывалась на зороастрийском и исламском принципах максимального использования природных условий (земли и пастбищ) и по возможности минимального вреда экологии и человеку, справедливо го взаимоотношения в обществе на основе праведного распределения труда и божьих даров Эти принципы в течение многих веков составляли основу всякой деятельности человека, общества и государственного управления В итоге Средняя Азия представляла собой уникальный политико-экономический регион с более 40 направлениями и системами земледелия и животноводства (каждая из них имела еще множество вариантов), с безотходными саморегулирующимися общинами, с высокоразвитыми ремеслами (24 вида), обширными внутренними и внешними торговыми связями

В среднеазиатских обществах сложилась сложная, но экономная самоорганизация и управление Первичной основой различных объединений считалась родственная преемственность, наследственность Она являлась главным принципом законности, а потому и устойчивости общества, условием развития профессионализма Несмотря на междуусобицы, этого принципа придерживались как все местные родоплеменные объединения (массагеты, саки, кушаны-тохары, согдийцы, парикане, эфталиты и др.), так и пришлые народы-завоеватели (иранцы-ахемениды, греки-македоняне, китайцы, арабы, турки-ханыды, монголы и т.д.) Они не нарушали естественных основ хозяйствования, социальной организации и управления Архаические формы организации территории и общества, сохранявшиеся в Средней Азии еще

в начале XX в., особенно четко проявлялись в высших сферах управления. Власть распределялась между полукочевым населением, сохранившим родоплеменные особенности (правители, вожди), и оседлыми земледельцами, торговцами, ремесленниками («премьеры», судьи, финансовые и контрольные чиновники). При этом особое значение имела «белая, святая» группа, *ходжа*, представленная во всех трех отраслях производственной деятельности. Этому же принципу соответствовало распределение и военачальников. Главным командующим в государстве являлся эмир/хан, из категории «черных», в областях — *ва'ли*, представитель «белых, святых». Им обоим одинаково подчинялись «черные» племенные вожди и территориальные тысячники — *хазара*. К концу XIX в. в государственном управлении усилилась тенденция расширения представительства оседлого населения и особенно «белой» категории.

Все среднеазиатское население, независимо от каких-либо различий, состояло одновременно в трех объединениях: семейно-родственном, родоплеменном или территориальном, профессиональном. Все имели взаимные обязательства и права. Ближайшие родственники из семейной группы эмира/хана по древнейшему праву претендовали на участие в управлении страной сначала на основании завоевания, затем — родства и наследования (считают это одной из причин постоянных династических войн), а племя правителя — на различные привилегии. За исполнением шариата наблюдали министерство просвещения, судебное, налоговое, финансовое и военное ведомство, а также сам народ, исходивший из своих древних норм общины.

На общем фоне родственной преемственности всякой деятельности наиболее стойкими, влиятельными и наглядными были династии административных правителей (центральных и областных), некоторых чиновников (секретарей, наблюдателей за торговлей, нравственностью) и особенно высших слоев духовенства, последние до сих пор свое происхождение исчисляют с VIII–IX вв.

Со второй половины XIX в. по праву завоевания Россией устанавливается иной принцип верховного руководства, а традиционное династическое управление ликвидируется. Новые установки, идеологические и хозяйственные, были разрушительными и чуждыми для населения Средней Азии. Новый потестарный аппарат состоял из военных чиновников разных рангов и из разных народов. Они назначались и смещались по воле высоких инстанций метрополии. Помимо административной службы чиновники могли создавать свое частное дело, связанное с торговлей, промышленностью и финансами. Прежние же носители высокого социального статуса были превращены в обычное податное население путем законодательного установления всех земель государственными. Однако, сохранив свои наделы, династические объ-

единения рассредоточились по различным службам и отраслям производства, по низовым аппаратам управления

Советское государство, опираясь на идеологию марксизма, стремилось создать в Средней Азии общество, разделенное на свободных управленцев и хорошо организованных ими производителей, основываясь на отрицании естественных (родственных, родоплеменных) связей как примитивных, не свойственных развитому обществу. В советских республиках региона утвердилось управление временщиков, внедрявших чуждую местной жизни идеологию и пользовавшихся малосогласованными научными рекомендациями, не учитывавшими всю совокупность этноэкологических факторов. В результате распространялись подрывавшие производство (и управление) технологии земли и водопользования, что привело к отравлению почв, вод и населения, потере или ослаблению политико-экономического равновесия между отраслями хозяйства, между республиками и их с центром, развитию изодельных отношений (от межличностных до отраслевых), усилению межнациональных недовольств.

Управление, представленное триумvirатом из глав республик, правительств и идеологически единой партии (все — из местного населения), постоянно менялось (выборы и переводы в различные административные области или хозяйственные отрасли, при этом на всех уровнях учитывалось этническое и социальное происхождение этих руководителей). Вторыми лицами, а также заместителями и помощниками выступали не местные служащие (русские, татары, а с 50–60-х гг. также корейцы, армяне, евреи). Одновременно существовали установка и стремление к подготовке национальных кадров для всех отраслей, особенно в области управления и науки. С этим возрождается традиция династийного и семейно-родственного формирования профессионалов в административном и партийном управлении, в руководстве крупными ирригационными системами, в области юриспруденции. И она по-прежнему осуществляется «белой» группой населения.

В заключение следует подчеркнуть, что успешное управление и хозяйствование в Средней Азии возможно лишь при признании естественных связей в обществе, включая связи с природой, в качестве фундаментальной основы жизнедеятельности общества и на современном этапе развития, и в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев М. С.* Арк (кремль) Бухары Душанбе, 1972
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // ЖС 1896 Т III–IV

Бартольд В В Историко-географический обзор Ирана // Соч Б м , 1971
Г VII

Бартольд В В К истории орошения Туркестана // Соч Б м , 1965 Т III

Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г М , 1924

Вяткин В Л Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1215–1217 (1800–1803 гг) // Известия среднеазиатского отделения РГО 1928
Т XVIII

Вяткин В Л Шейхи Джуйбари // В В Бартольду Ташкент, 1927

Гулишамбаров С И Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской железной дорогой Ашхабад, 1913, 4 1–3

Гулямов Я Г История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней Ташкент, 1957

Данилевский Г И Описание Хивинского ханства // Записки РГО 1851 Кн V
История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней Алма-Ата, 1949
Т 1

История народов Узбекистана Ташкент, 1955 Т 1, 1947 Т 2

Кисляков И А Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в М , 1962

Масальский В И Туркестанский край // Россия СПб , 1913 Т XIX

Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг Ташкент, 1924–1925 Вып I–III

Миддендорф А Ф Очерки Ферганской долины СПб , 1872

Положение об управлении Туркменским краем 12 июня 1886 г // Полн собр законов Российской империи СПб , 1888 Т VI № 2814

Рассудова Р Я Термин «ходжа» в топонимии Средней Азии // Ономастика Средней Азии М , 1978

Рассудова Р Я Составные компоненты населения Ферганско-Ташкентского региона // КСДСКЧ 1981

Рассудова Р Я Этно-социальный состав водоземельных общин северо-восточных районов Средней Азии К расселению ходжа Начало XX в // КСДСКЧ 1983

Рассудова Р Я К истории среднеазиатского духовенства // КСИЭ 1983

Рассудова Р Я Современные этнические процессы в Узбекистане // КСДСКЧ 1985

Рассудова Р Я Очерки организации войска в Бухарском и Кокаидском ханствах (XIX в) // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии М , 1990 Вып 2

Семенов А А Очерки устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Тр Тадж АН 1954 Т 613 XXV
Вып 2

Семенов А А Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // СВ 1948 № 5

Современный кишлак Средней Азии Ташкент, 1924–1925 Вып I–XI

Федоров Е Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии Ташкент, 1925

Фитрат Три документа по аграрным вопросам в Средней Азии // Записки Института востоковедения АН СССР Л , 1933 Вып II